

ЗАПИСКА

Алкоголь действительно сделал Чжу Ляньчжэнь более прямолинейным, но не избавил от склонности нести чушь. Лишь после серьезных объяснений Тань Цина он наконец поверил: у парня и правда не было финансовых проблем.

— Тогда зачем брать столько работы? — хмуро спросил он. — Твой ассистент выглядит так, будто вот-вот упадёт замертво.

— У меня несколько ассистентов. Они работают посменно.

— Но тело-то у тебя одно.

— ...Что?

— Что «что» — обычную речь понять не можешь?

— Малыш Чжу, спасибо, что беспокоишься обо мне.

— ...

— Малыш Чжу?

— Чего вы так долго? — спросил Коти, когда они наконец вернулись. Их выражения были странными: Чжу Ляньчжэнь хмурился, будто снова чем-то недовольный, а Тань Цин следовал за ним с непринуждённой улыбкой, повторяя:

— Малыш Чжу?

Чжу Ляньчжэнь сделал вид, что ничего не слышит. Он опустил на стул и одним глотком осушил бокал игристого вина.

Тань Цин огляделся:

— А где лидер?

— Сказал, что проголодался, и пошёл покупать шашлычки, — ответил Коти.

Тань Цин нахмурился:

— На улице сильный снегопад. Разве в этот час ещё что-то открыто?

Услышав этот резонный вопрос, Коти замер. Его взгляд скользнул по столу, уставленному пустыми бутылками, оставленными Цзи Юньтином.

«Вот дерьмо», — мелькнуло у него в голове.

— Я поищу его, — решительно поднялся Тань Цин.

Коти тут же вскочил:

— Я тоже пойду!

Ч

жу Ляньчжэнь, решив, что в любом случае пора рассчитываться и идти домой, накинул пальто и последовал за ними, крикнув Фу Жуну:

— Пошли!

На улице метель не думала утихать. Группа пробиралась по заснеженной дороге, но следов Цзи Юньтина нигде не было видно. Лишь свернув за угол, они заметили семь-восемь человек, столпившихся у обочины.

В такую отвратительную погоду даже идти было трудно. Но у этих людей всё ещё оставались силы доставать телефоны и фотографировать, причём все камеры были направлены в одну сторону.

У Чжу Ляньчжэня сработало шестое чувство:

— Ребята, как думаете, Тин-гэ может...

Тань Цин коротко кивнул:

— Угу.

Коти:

— Да, думаю, он там.

Фу Жун:

— А вдруг его сбила машина, и он мертв?

Они ускорили шаг, обходя толпу сбоку. Когда же наконец увидели происходящее, у каждого из них перехватило дыхание ...

Ледяной мокрый снег валил густыми хлопьями, даже машины двигались осторожно. Но прямо посреди скользкой дороги лежал мужчина, бесстыдно размахивая конечностями... Нет — если быть точным, он исполнял идеально отточенный кроль на спине*. Его руки и ноги двигались синхронно, мощно и грациозно. Ритм был чётким, а лицо его выражало блаженство.

(П.п.: кроль на спине стиль плавания, при котором пловец лежит на спине, лицом вверх)

Участники переглянулись. Слишком хорошо зная друг друга, они без слов прочитали одну и ту же мысль во взглядах:

«Может, сделаем вид, что не знаем его?»

Хотя всем смертельно хотелось развернуться и уйти, нельзя было забывать — их лидер всё же публичная личность. Если его узнает какой-нибудь прохожий, это опозорит всю группу Асемон. Да и Пэй Цяо перед выходом просила их следить, чтобы Цзи Юньтин не злоупотреблял алкоголем.

В итоге все натянули шапки и маски, полностью скрыв лица, и дружно бросились вытаскивать Цзи Юньтина, стараясь как можно быстрее ретироваться с «места преступления».

В машине Коти все наперебой хватали салфетки, чтобы стереть грязный снег с лица лидера. Но тот всё ещё злился, будто они грубо прервали его тренировку. Чжу Ляньчжэнь, явно раздражённый, грубо толкнул его:

— Только мешается. Выбросьте его в багажник.

Коти уже собрался было подчиниться, но Тань Цин остановил его:

— Если он получит травму, будет хуже. Потерпите.

После всего этого безобразия продолжать пить было уже немыслимо. К счастью, Тань Цин оставался трезвым и мог развезти всех по домам. Чжу Ляньчжэнь жил дальше всех, поэтому, когда остальные уже вышли, в машине остались только они вдвоём.

Чжу Ляньчжэнь сидел на заднем сиденье, наблюдая за метелью за окном.

Дороги были практически непроходимы. На некоторых особенно заснеженных участках уже ввели временные ограничения, и Тань Цину пришлось искать объездные пути. Чжу Ляньчжэнь взглянул на время в телефоне — было почти полночь. Если он правильно помнил, они сели в машину около половины десятого.

Прикинув время с учётом погоды и расстояния до его дома, Чжу Ляньчжэнь понял: Тань Цину потребуется как минимум два часа, чтобы добраться обратно.

В груди защемило беспокойство. Ехать в такую метель было опасно, и он не хотел, чтобы Тань Цин рисковал. Выход был только один — предложить ему остаться на ночь.

Но их прошлое висело между ними незримой преградой. Фразы вроде «Останься у меня» или «Переночуй» звучали двусмысленно, почти как намёк. Он закусил губу, не решаясь заговорить первым.

Не успел он подобрать подходящие слова, как Тань Цин нарушил тишину:

— Малыш Чжу, можно я останусь у тебя сегодня? Дороги слишком скользкие — продолжать путь небезопасно.

Его голос звучал ровно, без намёка на двусмысленность, будто предлагал чисто практическое решение.

Теперь можно было не сомневаться. Чжу Ляньчжэнь тут же кивнул:

— Конечно.

Когда они открыли дверь и переступили порог, первое, что они услышали — тихое «мяу». Белоснежная персидская кошка подбежала к ним, принявшись тереться о ноги Чжу Ляньчжэня и выпрашивая еду.

— Найси*, — Тань Цин сбросил промерзшее пальто. Присев на корточки, он улыбнулся и протянул руку к кошке: — Давно не виделись.

(П.п.: В оригинале кошку зовут Naisi (奶西) как английское слово «Nice», но на китайском языке. Первый иероглиф переводится как молоко (кошка белого цвета)

Найси несколько раз обнюхала его запястье, затем нежно ткнула пушистой головой в ладонь,

требуя ласки.

Тань Цин погладил её по спине:

— Она всё ещё помнит меня.

Чжу Ляньчжэнь фыркнул:

— Не факт. Она со всеми такая ласковая.

Приняв душ, он вышел под аромат пряного горячего бульона. Полуоткрытая кухня позволяла с лестницы видеть спину Тань Цина, ловко нарезающего овощи. Тот повернулся:

— В холодильнике были помидоры и ростки фасоли. Решил сварить тебе похмельный суп.

Все продукты закупала экономка, обычно занимавшаяся готовкой. Чжу Ляньчжэнь терпеть не мог помидоры — в целом он не был привередлив, но имел чёткие гастрономические табу:

— Только без имбиря и кинзы.

Приготовление супа не требовало особого внимания, и Тань Цин то и дело отвлекался, осматривая кухню:

— Кажется, у меня такая же кофемашина.

— Это запасная, которую ты сам купил и подарил мне, — сухо ответил Чжу Ляньчжэнь.

Спустя мгновение Тань Цин заметил ещё кое-что:

— Этот сервиз в шкафу выглядит изысканно.

Чжу Ляньчжэнь:

— ...Ты же сам его принёс.

— А что за белый прибор?

— Так называемая «самоочищающаяся соковыжималка холодного отжима», — буркнул Чжу Ляньчжэнь. — Сломалась после первого использования. Чинить лень.

— И это я купил?

— Кто же ещё подсунул бы мне столь бесполезную вещь?

Суп на плите начал булькать. Воцарилась короткая пауза, которую Тань Цин нарушил задумчивым:

— Знаешь, создаётся ощущение, будто я сдал тебе эту кухню в аренду.

— Да уж, ты мастер мгновенно чувствовать себя как дома! — язвительно парировал Чжу Ляньчжэнь.

В этот момент его осенило.

Раньше подарки Тань Цина были исключительно практичными — кухонная утварь, подушки,

наушники, клавиатуры, даже гироскутер... Тогда он не придавал им особого значения, но с годами эти обыденные вещи странным образом стали ему дороги. Когда они изнашивались и требовали замены, ему предательски не хотелось с ними расставаться.

Он часто ловил себя на мысли, что подсознательно ищет следы Тань Цина в окружающих предметах. Даже после расставания его присутствие оставалось повсюду — тихая оккупация под названием «привычка».

Чжу Ляньчжэнь вечно колебался, но неизменно оставлял эти вещи. В его понимании, любая подаренная вещь несёт в себе эмоции — будь то радость, злость, печаль или счастье.

Каждое воспоминание, каждый момент, прожитый с другими людьми, сформировали его нынешнее «я». Если бы он стал отвергать прошлые чувства только из-за расставания, это значило бы отказаться от части себя самого.

А врать самому себе он не желал.

Томатный суп был готов. Сделав несколько глотков, Чжу Ляньчжэнь с удивлением отметил, что вкус оказался мягче ожидаемого — не такой приторно-кислый. Консистенция идеальная, без противных скользких кусочков помидоров, которые он так ненавидел. Словно Тань Цин специально избегал всего, что обычно раздражало его в этом блюде.

— Неплохо справляешься, — признал Чжу Ляньчжэнь. — Сколько времени возился?

— Не засекал, просто томил на медленном огне. Вкусно? — Тань Цин тем временем вскрывал упаковку тонкой лапши. — Помидоры сначала обжарил с тростниковым сахаром и сливочным маслом. Ростки фасоли бланшировал на сильном огне и сразу вынул.

Чжу Ляньчжэнь лишь брезгливо поморщился:

— Слишком много возни.

Тань Цин слегка склонил голову, наблюдая, как Чжу Ляньчжэнь ест суп. Когда их взгляды случайно встретились, он поспешно отвернулся, опустив глаза с лёгкой улыбкой. Чжу Ляньчжэнь сразу заметил это движение и заподозрил неладное.

— Чему ты ухмыляешься?

— Просто вспомнил одну мелочь. — Тань Цин опустил тонкую лапшу в кастрюлю. — Тогда ты просил научить тебя готовить. Дотошно расспрашивал про каждый шаг, но никогда не следовал инструкциям. А когда всё проваливалось — винил меня.

С его слов Чжу Ляньчжэнь выглядел настоящим негодяем, но возразить было нечего.

Так всё и было. Должно быть, прошло уже семь-восемь лет — как раз после их дебюта. Тогда все участники жили вместе. В выходные за едой было некому следить, а питаться в кафе рискованно — могли узнать. Вот и экспериментировали на общей кухне как придётся.

Никто не ожидал, что Тань Цин действительно умеет готовить. Он ловко раскладывал ингредиенты по тарелкам, разогревал масло на сковороде, смешивал соусы и жарил всё одним плавным движением. Чжу Ляньчжэнь наблюдал за этим, совершенно заворожённый — он сам едва мог поджарить яйцо, не подпалив его, а Тань Цин даже умел чистить и разделывать целую рыбу!

В приливе восторга Чжу Ляньчжэнь тут же сделал искреннее предложение:

— Если когда-нибудь бросишь быть айдолом, становись моим личным поваром!

С тех пор в свободное время он неотступно требовал у Тань Цина кулинарных уроков — начиная с нарезки овощей и постепенно переходя к более сложному. Но его способности имели чёткий потолок. Сложные техники вызывали у него раздражение, а брызги горячего масла и вовсе повергали в ужас. В итоге он поставил Тань Цину задачу: придумать способы готовки, которые были бы простыми, вкусными и в идеале требовали только микроволновки.

Естественно, Тань Цин не смог выполнить это невыполнимое. В конце концов он просто предложил:

— Говори, что хочешь съесть — я приготовлю.

Лишённый выбора, Чжу Ляньчжэнь попытался освоить кулинарию сам. Полный новичок, он тем не менее строил грандиозные планы. Едва научившись делать пару холодных закусок, он бросил Тань Цину вызов:

— Когда-нибудь моя кухня превзойдёт твою!

Но из этого, разумеется, ничего не вышло.

Оглядываясь назад, Чжу Ляньчжэнь осознал, что не брался за готовку уже очень давно. Слишком уж это хлопотно.

— Не понимаю, зачем ты упорно видел во мне кулинарного соперника, — проговорил Тань Цин, медленно помешивая суп. — В этом ведь не было необходимости, правда?

Чжу Ляньчжэнь сделал ещё один глоток супа:

— Это ты отказался нормально меня учить. Превратил простое блюдо из баклажанов с фаршем в десятиэтапный квест. Просто боялся, что я слишком быстро научусь и превзойду тебя.

Тань Цин пожал плечами:

— Даже если бы превзошёл — какая разница? Это не помешало бы мне получать удовольствие, готовя для тебя.

Край пиалы прикоснулся к его губам, и Чжу Ляньчжэнь на мгновение замер.

Не дожидаясь, пока Тань Цин встретится с ним взглядом, он одним махом осушил чашу. Алый оттенок томатов, казалось, перекинулся и на его щёки.

Швырнув посуду в раковину, он схватил с полки банку кошачьего корма:

— Пойду покормлю Найси.

С этими мыслями он поспешно ретировался с кухни.

«Что значит «получать удовольствие, готовя для тебя»?»

Чжу Ляньчжэнь никогда не задумывался, что Тань Цин готовил так старательно именно чтобы ему было вкуснее.

Но если разобраться, эта идея абсурдна. Тогда ему было всего пятнадцать-шестнадцать, а Тань Цин едва достиг совершеннолетия. Их отношения определились гораздо позже — не мог же Тань Цин испытывать к нему интерес в столь раннем возрасте.

Перебрав все варианты, Чжу Ляньчжэнь понял, что ошибся. Вероятно, Тань Цин просто выражал любовь к готовке как таковой. Если заменить «тебя» на «вас» или «всех», смысл не изменился бы ни на йоту.

Чжу Ляньчжэнь глубоко вздохнул и решительно отбросил самонадеянные домыслы.

Метель бушевала всю ночь.

Чжу Ляньчжэнь проспал до позднего утра. Его телефон завибрировал на подушке — в общем чате светилось сообщение от Пэй Цяо с вопросом, где они были прошлой ночью.

К сообщению была прикреплена размытая фотокадр из видео с возмущённым вопросом:

[Это что, Цзи Юньтин?!]

Пэй Цяо знала об их вчерашних посиделках и изначально беспокоилась, что они устроят пьяную драку и попадут в светскую хронику. Но, проверив утром новости, она обнаружила знакомое лицо в разделе местных происшествий.

«Пьяный мужчина плавает по асфальту во время метели...» — Пэй Цяо вслух зачитала заголовок. Несмотря на пиксели, скрывающие глаза, она без труда узнала его по телосложению, причёске и высоким фигурам, появившимся в конце ролика — неужели это её самая проблемная группа?

Оказалось, проникательные фанаты распознали их даже быстрее. Видео пока не стало вирусным лишь благодаря абсурдности происшествия. Однако в фан-сообществах уже вовсю обсуждали, что «вся пятёрка вчера напивалась вместе».

Чжу Ляньчжэнь проигнорировал сообщение. Он поднялся с кровати и постучал в дверь гостевой комнаты. Прошло некоторое время, но из-за двери не последовало ответа.

Тань Цин не был любителем поспать подольше. Распахнув дверь, Чжу Ляньчжэнь увидел аккуратно запроваленную кровать без малейших следов ночлега.

Спустившись вниз, он обнаружил на столе прозрачные крышки для еды. Под ними скрывались сэндвич с беконом и яичницей, салат из персиков и овсяных хлопьев и стакан айс-кофе. Всё было приготовлено Тань Цином.

Рядом лежала записка:

[Малыш Чжу,

Я ушёл на работу.]

Чжу Ляньчжэнь уставился на элегантный, уверенный почерк и внезапно почувствовал раздражение. Он скомкал записку.

Должен же быть предел этому гостеприимству наоборот! С какой стати этот парень оставляет

послания, будто это его собственный дом?

Но, подержав смятый листок в руке, он в конце концов разгладил его и аккуратно убрал в ящик стола.

Он всегда считал, что у Тань Цина старомодное чувство церемонии. Такое сообщение легко отправить в WeChat, но тот упорно предпочитал бумагу.

Когда-то Чжу Ляньчжэнь спросил о причине, и получил ответ: «Электронные сообщения стираются одним нажатием. Рукописные записи ощущаются как настоящий контакт».

Сотни, даже тысячи переписок могли исчезнуть в мгновение ока, но несколько написанных от руки слов можно хранить годами.

Раньше Чжу Ляньчжэнь считал это неудобством — кошка часто жевала стикеры, оставляя на полу клочки бумаги. И всё же он продолжал их беречь. Когда он осознал это, ящик уже был наполнен слоем таких записок.

Он бросил взгляд на ящик и захлопнул его с лёгким отвращением.

— Одна ерунда. Ни одной стоящей записки.

Переводчик: ЛОС

Редактор: ЛОС

<http://bllate.org/book/14779/1318087>